

— О? — многозначительно протянул Цзи Жань, искоса поглядев на Лу Чжэня.

Лу Чжэнь усмехнулся и щёлкнул пальцами.

Цзи Жань ещё смотрел на его руку, как вдруг Старуха Лу с визгом подпрыгнула, яростно отмахиваясь от чего-то на голове.

— Ай! Птичий помёт! Проклятая тварь! А-ай!

Прыгая и отбиваясь, она наконец перестала прикидываться. Склонив голову набок, бросилась бежать домой. Но едва достигла межи, как Лу Чжэнь обернулся чёрным котом и стрелой метнулся ей наперерез.

Бултых!

Старуха Лу шлёпнулась в ближайшее рисовое поле вверх тормашками.

Вода на поле была неглубокая, захлебнуться не грозило. Выкарабкавшись, вся в грязи, она даже не стала выбираться на сушу, а села прямо в поле и разревелась.

Но чёрный кот не унимался. Оттолкнувшись от берега задними лапами, он снова налетел на Старуху Лу, повалив её на спину, и проделал то, что Цзи Жань знал слишком хорошо: прошёлся лапами по лицу.

Цзи Жаню стало даже неловко смотреть, он инстинктивно прикрыл глаза ладонью. Но всё же нельзя было оставлять старуху реветь в поле. Когда Лу Чжэнь вернулся в облик, Цзи Жань поспешил позвать двух работников, чтобы те вытащили Старуху Лу и отправили домой.

Испуг был силён, да и вид имела она непрезентабельный — вышло себе дороже. Униженная и огорчённая, Старуха Лу на этот раз сцен не закатывала и ревела почти всю дорогу до дома.

История со Старухой Лу стала лишь маленьким эпизодом, но Цзи Жань понимал: раз началось, покоя не будет. Он стал внимательнее и готовился к новым выпадам.

Однако на этот раз всё обошлось. Зато через несколько дней вернулся Лу Чаньюань, и с ним Тао Юань. Говорили, будто приехали на сотый день поминовения Лу Чжэня. Цзи Жань удивился: разве посторонним уместно присутствовать на таких церемониях? Что Тао Юань тут делает? Не может быть, чтобы он сам этого не понимал. Но если приехал — значит, зачем-то нужно.

Впрочем, зачем Тао Юаню это было нужно, Цзи Жаня не касалось. Он лишь мысленно удивился и забыл.

А вот Лу Чаньюань, едва вернувшись домой, сразу навестил Цзи Жаня. Именно по поводу сотого дня. Судя по его озабоченности, он и вправду придавал большое значение поминовению сводного брата.

Было ли это искренне или притворно, но Лу Чаньюань действительно отличался от остальных Лу. Возможно, сказывалась учёность: он был обходителен и сдержан. Его дружелюбие к Цзи Жаню могло быть и корыстным, но, в отличие от других, он вёл себя безупречно — с изящной учтивостью, к которой не придерёшься.

Именно таких людей следует опасаться больше всего, но и рвать отношения без причины тоже

нельзя. Поэтому Цзи Жань держался с Лу Чаньюанем хоть и не так, как с остальными, но всё же сохранял дистанцию — вежливую и холодную.

Когда Лу Чаньюань пригласил его в дом Лу собраться и отметить сотый день, Цзи Жань подумал и не отказался. В конце концов, как ни крути, корни Лу Чжэня были там. Даже если семья его не принимала, это было место, где он родился и где его провожали в последний путь.

Хотя поминки проходили в доме Лу, необходимые подношения Цзи Жань приготовил сам. Всё-таки Лу Чжэнь был его, верно? Поэтому накануне он съездил в городок, купил два ляна квадратной обрядовой свинины, два ляна вина, фрукты, сладости, благовония и погребальные деньги. Всё упаковал и в день поминовения, вместе с поминальной табличкой Лу Чжэня, отнёс в дом Лу.

Лу Чжэнь, впрочем, пытался его отговорить: мол, не стоит тратиться, ему это не нужно, можно и без того. Но Цзи Жань настоял на своём. Убедившись, что не переубедить, Лу Чжэнь махнул рукой: лишь бы жене было хорошо.

Хотя пару колкостей всё же ввернул:

— Если честно, вместо этих трат лучше бы ты сам вымылся и ко мне на закуску подался. Жена куда вкуснее всякой этой мирской снеди.

Его нарочито приглушённый голос и без того будоражил, а с такими словами и подавно. Сам он говорил без тени смущения, зато Цзи Жань покраснел до корней волос и швырнул на него сердитый взгляд.

Лу Чжэнь лишь расцвёл от этого взгляда:

— Я серьёзно.

Цзи Жань не удостоил ответом, лишь закатил глаза и зашагал вперёд быстрым шагом.

На этот раз Лу Чжэнь не воспользовался призрачной скоростью, чтобы догнать его, а остался позади, на почтительном расстоянии. Долго шёл молча, о чём-то раздумывая, и лишь потом поднял голову.

— Цзи Жань...

— Что? — Цзи Жань ещё дулся, но игнорировать его не стал, остановился и обернулся.

— Цзи Жань... — Лу Чжэнь замялся, стиснув зубы. — Если... я говорю, если бы...

— А? — Цзи Жаня тут же разобрало любопытство.

Но Лу Чжэнь вдруг резко сменил тему. Глубокий, неотрывный взгляд его был полон серьёзности:

— Я правда серьёзно. Вместо всех этих приготовлений лучше бы ты со мной позанимался, потренировал наши чувства.

— Ты... — Цзи Жань от возмущения даже слова найти не мог, тыча в него пальцем. Наконец выдавил:

— Ладно, сам с собой и заигрывай, а мне с тобой дела нет.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, не заметив, как у Лу Чжэня внезапно сдвинулись брови и в глазах на мгновение мелькнула тень тревоги и грусти. Если поначалу он что-то скрывал намеренно, то теперь... теперь он боялся сказать. Не мог рискнуть. Как отреагирует Цзи Жань, узнав правду? В конце концов, любой мужчина на его месте... наверняка не смог бы не возненавидеть.

С вздохом Лу Чжэнь растворился в воздухе и возник рядом с Цзи Жанем, следуя за ним.

Когда они добрались до дома Лу, ворота были распахнуты. Цзи Жань ещё не успел войти, как навстречу вышел Лу Чаньюань.

— Невестка, вы пришли! Что стоите на улице, проходите. — Лу Чаньюань говорил, а сам взгляд его скользнул по вещам в руках Цзи Жаня. Улыбнулся:

— Как всё основательно подготовили. Хотя у нас дома тоже всё есть, вам не стоило тратиться. У вас сейчас каждая копейка на счету, надо бы экономить.

Дом Лу тоже приготовил подношения?

Цзи Жань удивился. У Старухи Лу, этой железной скряги, вытащить хотя бы пёрышко, наверное, мог только её младший сын.

— Да? — Цзи Жань взглянул на свои покупки. — Ничего, раз купил — так купил. Вместе и используем, пусть Чжэнь пирует на славу.

Словечко «Чжэнь» заставило Лу Чаньюана почти незаметно дёрнуться уголком рта — словно зуб прихватило. Женился на табличке, вдовью долю принял, а тут «Чжэнь» да «Чжэнь» — подумаешь, неразлучные голубки с покойным-то братом.

В душе он презирал эту игру, но виду не подал, лишь улыбка стала ещё теплее и учтивее:

— Брат мой жизнь прожил нелёгкую, ранний уход — великая скорбь. Но хоть обрёл такого искреннего спутника, как вы, — это уже счастье.

Чушь собачья, подумал про себя Цзи Жань, внешне же остался бесстрастным. Лишь мельком глянул на Лу Чжэня, который стоял с улыбкой до ушей, и едва не закатил глаза.

Пока Лу Чаньюань и Цзи Жань обменивались любезностями, из дома вышла Старуха Лу. Увидев вещи в руках Цзи Жаня, глаза у неё так и загорелись.

— Цзи Жань, идёшь уже! Всё гадала, придёшь ли, не задержали ли дела. И зачем же ты столько принёс? У нас ведь всё готово! Такие траты! — Шея у неё ещё не разогнулась как следует, но движениям это не мешало. На словах — одно, а руки уже проворно забрали у Цзи Жаня свёртки.

Цзи Жань и виду не подал, а вот Лу Чаньюань нахмурился, бросив на мать взгляд.

— Матушка, подношения, что невестка приготовила, пусть идут вместе с нашими. Как раз на могилу свежее отнесём.

Старуха Лу изначально хотела припрятать добро для себя, но младшего сына слушалась привычно. Пусть и неохотно, но от затей отказалась. Правда, и радушие её поугло. Пробурчав что-то невнятное, она развернулась и зашла в дом с покупками.

— Невестка, вы в последние дни сильно устали. На кухне пусть матушка с третьей невесткой управляют. Проходите в дом, посидите, — Лу Чаньюань сделал вид, будто не заметил перемены в настроении матери, и по-прежнему был гостеприимен и предупредителен.

<http://bllate.org/book/16271/1464406>